



Ленинец

ОРГАН ПАРТИЙНОГО БЮРО, РЕКТОРАТА, МЕСТКОМА,
КОМИТЕТА ВЛКСМ И ПРОФКОМА
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 22—23 (53—54).

Понедельник, 2 сентября 1974 г.

Цена 2 коп.

Добро пожаловать, первокурсники!

На свете трудно встретить двух людей, которые в сходных ситуациях мыслями и чувствовали бы совершенно одинаково. Поэтому и каждый из 780 первокурсников переступает сейчас порог университета, наполненный разными мечтами, планами, устремлениями и чувствами. И все же есть много общего в том, чем живет сейчас первокурсник: радость и предчувствие нового, удовлетворение и облегчение после выдержанных вступительных экзаменов.

От всей души поздравляя первокурсников с вступлением в студенческую семью, хочется сразу сказать: именно сейчас, не откладывая, нужно хорошо подумать о будущем, о тех требованиях, которые должен предъявить первокурсник к себе.

Система работы в вузе, и особенно в университете, значительно отличается от школьной. Здесь не всегда присутствуют точно дозированные задания и повседневный контроль. Нужно уметь рассчитывать свои силы, систематически работать самостоятельно, разбираясь в процессе. И в университе-

те вы будете выполнять специальные учебно-исследовательские задания, участвовать в диспутах и дискуссиях, работать над исследовательскими темами, но надо, чтобы и такие формы вузовской работы, как лекции и семинары служили для развития умения анализировать, делать выводы, открывать новое. На лекции нужно стремиться не только уловить суть излагаемого и запастись материалом, но рассуждать вместе с лектором, обдумывать вопрос всесторонне, ставить вопросы и пытаться ответить на них.

На семинарах учиться аргументированно доказывать, спорить, убеждать. Советский специалист — выпускник университета, где бы он не работал: на предприятии, в школе, в вузе, научно-исследовательской лаборатории — это прежде всего целостный коммунистически и убежденный, умелый организатор, способный передавать свои знания дру-

жам. Вот почему особое место в системе вузовского образования занимают общественные дисциплины и предметы психолого-педагогического цикла. Учебным процессом не исчерпываются рамки студенческой деятельности. Активное участие в научной работе кафедр, в жизни комсомольской организации, в трудовых семестрах, художественной самодеятельности, занятиях на факультете общественных профессий помогут формированию всесторонне развитой личности будущего советского специалиста. Профессорско-преподавательский состав и все работники университета, ваши старшие товарищи — студенты готовы сделать все, чтобы помочь вам в нелегком, но увлекательнейшем труде познания, но очень многое зависит тут от вашей целеустремленности, энергии и ответственности.

В. ЗАГВЯЗИНСКИЙ,
доктор педагогических наук.

1. СОБРАНИЕ

В КРАСНОМ уголке собрались бойцы стройотряда и представители комбината: заместитель директора в секретарь парткома. Заместитель директора обратился к ребятам с просьбой поработать до 15—20 сентября.

— Нет, — раздалось в ответ из зала.

Растерявшийся на миг «зам» быстро нашел «точку опоры». Он заговорил о бесплатной форме в бесплатном питании; о том, что стройотряд дорого обходится комбинату. В ответ еще более возмущенные голоса:

— Выходит, мы наклеиваем?

— Зачем приглашаете? — Так что же, мы вши должны?

Атмосфера накаляется. Чувствуется, что зам. директора уже не рад, что повел в этом русле разговор. Ребята переходят в наступление. Они требуют более высокой оплаты труда, бес-

«ЕСТЬ ЧТО-ТО

платного питания, зам. директора обещает выполнить требования, если отряд останется. Напрасно, ребята не верят. Слово берет секретарь парткома, говорят почти умоляюще:

— У нас трудное положение, вы же комсомольцы — вы должны помочь.

В зале легкое оживление, смехок, и голос: — Вы не можете организовать свое производство, а мы должны отдуваться. Может, нам, вообще, вместо лекций в университете посещать кружки год ваш комбинат?

А до собрания была работа. Месяц непривычной и трудной работы. Парни строили дорогу и теплотрассу, девушки плавали за рыбой, морозили ее, коптили, сушили, консервировали. Если надо было, работали в две смены.

Начальник цеха

В. Н. Красношеев так и сказал о стройотрядовцах:

— Вся надежда на них. В рыбсырьевом, упаковочном, копильном, консервном цехах тоже хвалили ребят. Мастер консервного цеха Л. А. Черыгина была в большом затруднении, когда ее попросили назвать лучших:

— Это трудно. Все девочки хорошо работают. Галя Вязовкова, Люда Скорякова, да всех надо называть. Но особенно — Вера Ильичева. Ей мы доверили уже работу, которая требует хороших профессиональных навыков.

— Если бы был здоровый дух в отряде, мы остались бы здесь и дальше.

Это говорил Сергей Бородульп. Почему, не-



его отношением к делу. И если это так, то почему вот эти ребята, о которых так хорошо отзывались в цехах, здесь, на собрании, вызвали далеко не радостные эмоции?

Да, собрание зашло в тупик. Уже казалось, ничто не может пленять его ход и настрой. И тогда из зала раздался голос:

ПРЕКРАСНОЕ В ЛЕТЕ...»

ков, — закату.

В работе ребята себя не щадили. Мы привыкли к тому, что ценность человека, его нравственные установки определяются

здоровый дух? Что это значат? Нет, никто на собрании четко на эти вопросы не ответил. Но все теперь говорил, наверное, о самом больном: нет усилителей, без которых нельзя дать концерт, не выделен до сих пор катер, который должен возить отрядную агитбригаду по рыбоучасткам, не пускают студентов в клуб рыбняков, не позволяют прикоснуться даже к музыкальным инструментам.

Заместитель директора цыгається защищаться, дескать, клуб в аварийном состоянии, а для концерта и «гармошки» хватит, в т. д. В ответ новый взрыв:

ОБЩУЮ ПОДДЕРЖКУ

Закончен третий семестр. Студенческие строительные отряды подводят итоги: что сделали, чего не сумели сделать. Над этим задумываются и бойцы, и комиссары, и командиры. Об этом же шел разговор корреспондента «Ленинца» и командира «Скифов» В. Атышева.

Корреспондент. Летние работы наших стройотрядов показали, что нередко мы не видим в отряде единого целеустремленного коллектива; или возникают разногласия, или, случается, отдельные студенты вообще не достойны звания бойца ССО и их не следовало брать в отряд. Видимо, объединение группы студентов в отряд и общее поле деятельности — не достаточное еще условие для формирования коллектива.

Командир. Разумеется. Мы многое упускаем, когда начинаем в спешке готовиться к третьему семестру. Именно в спешке, — и это наше первое упущение. Мы вспоминаем о ССО в конце второго семестра. А по-другому, надо бы уже в январе закончить полностью формирование отрядов, чтобы с отрядом работать уже во втором семестре. Это и учеба бойцов, и коммунистические субботники в фонд Чили, скажем, или на благо университета. Тогда уже к концу второго семестра, мы все будем ясно представлять отряд.

Корреспондент. Да, но когда в университете заходит речь о формировании строительных отрядов, все вдруг упирается в разрядку штаба ССО, которая приходит к вам слишком поздно.

Командир. Конечно, хорошо получить пораньше разрядку. Но это будет только в том случае, если у нас в Тюмени создадут, наконец, свой областной штаб ССО. Но мне думается, что отряды можно формировать, не дожидаясь разрядки.

Корреспондент. Всегда остается возможность варьировать.

Командир. Вот именно. Создать из двух отрядов один или из одного два всегда легче, нежели набирать отряды на пустом месте в последние недели перед отъездом. Кроме того, формирование отрядов должны занимать ся как следует факультетские комсомольские бюро. Они лучше знают своих людей, знают, кого рекомендовать в отряд. Хорошо, если они будут вручать комсомольские путевки ребятам, как это делается в украинских вузах. Может быть, есть смысл создавать отряды на базе отдельных факультетов. Если мы сумеем делать все это, мы приблизимся к отрядам, которые не только «осваивают основные средства», но и воспитывают в своем коллективе настоящих людей.

Корреспондент. Это так. И все-таки... Как бы мы основательно не заложили фундамент, здание рухнет, если не будет подогнан кирпич к кирпичу, если раствор окажется недостаточно цехшим. Тем более коллектив, где нет двух одинаковых людей. Видимо, еще одно условие должны мы выполнять — тщательный подбор комиссара.

Командир. Два года работы «Скифов» показала: без сильного комиссара трудно командиру, сложно отряду. Мне представляется комиссар своеобразным «мостом» между командиром и отрядом, создателем боевого духа отряда.

Корреспондент. Один из бойцов вашего отряда справедливо сказал: «Комиссар должен быть богаче нас». Внутреннее богатство комиссара — это уже условие авторитета, пусть недолговременного, но на первых порах могущего помочь. Конечно, потом надо подтверждать и подтверждать этот авторитет. И словом, и делом, и умением работать со всеми, и пониманием психологии людей, и дальновидностью.

Командир. Когда создавался наш отряд, мы думали об этом. Была попытка пригласить комиссаром молодого преподавателя. Но не получилось.

Должен сказать, что в нашем отряде особенно сложно комиссару из-за разрозненности ребят по сменам и цехам.

Корреспондент. Наверное, надо всерьез ставить вопрос о специализации отрядов. В Тюмени есть торгово-куливарное училище, кооперативный техникум. На их базе можно, наверное, создавать отряды для рыбной промышленности. А университету — отряды для других дел.

Командир. Мы могли бы не только подумать об отрядах инновационных, но и о подготовке комиссаров, допустим, на специальном отделении ФОПа, для отрядов других вузов, — помощь и областному штабу. Готовит же строительный институт мастеров.

И еще нам, конечно, необходима заинтересованная поддержка, помощь наших преподавателей как летом, так и в период формирования отрядов.



(Продолжение на 2—4 стр.)

НА СНИМКЕ: бригада Иры Трескава.

● НАШИ ИНТЕРВЬЮ УБЕЖДАТЬ—ЭТО СЛОЖНО

Валерий Михайлов, третьекурский истфила, первый год в строительном отряде. И сразу комиссаром. Когда от уезжал в Ханты-Мансийск со своим отрядом «Скифы», был весел и беззаботен. Глядя на него можно было подумать, что предстоящая комиссарская деятельность—дело для него давно знакомое и достаточно легкое. И вот сейчас, корреспондент встретил его, конечно же в первую очередь спросил:

— Как дела комиссарские?

— Трудно, очень трудно,—ответил Валерий и тяжело вздохнул.

И по тому, как он ответил, по всему его облику, было видно, что время работы в отряде многое изменило в нем, о многом заставило передумать. Наш корреспондент попросил В. Михайлова ответить на несколько вопросов.

— Прежде всего, Валерий, почему трудно?

— Мне теперь думается, что быть комиссаром сложнее, чем командиром. Командир может приказывать, а комиссар—нет. Комиссар должен убеждать, убеждать и убеждать. Это трудней. Надо знать психологию, понимать ребят. Сколько людей, столько характеров. Попробуй понять каждого. И потом мне особенно трудно, потому что я комиссар неосвоенный. Приходится работать вместе со всеми на объектах, с окончанием рабочего дня моя работа не кончается. Иногда, ложась спать, думаю, что утром уже встать не смогу.

— Какими качествами, на твой взгляд, должен обладать комиссар в первую очередь?

— Прежде всего—умением работать. Люди, занятые делом, судят об окружающих по их отношению к работе. Здесь истоки авторитета, без которого нет комиссара. И личный пример—не последняя вещь в комиссарском деле.

Далее, комиссару совершенно необходимо понимание психологии людей. Подобрать «ключик» к каждому человеку—без этого все попытки вдохновить на что-либо людей бесплодны.

И, наконец, комиссар должен вовремя увидеть, почувствовать, кому нужна поддержка. Вот, например. Когда мы начинали работать на рыбокомбинате, девочкам нашим с непривычки пришлось трудновато. Особенно тем, кто работал в рыбосырьевом цехе. Есть виды рыбы, у которых много слизи. Слизь разъедает руки до язв. Надо знать, как обращаться с такой рыбой. Знание не сразу приходит. В общем, девочкам доставалось. Одна из них, Валя Лоренц, совсем упала духом. Решала уже про себя уехать домой. Пришел к ней в цех, посмотрел, как работает, поговорил со старыми рабочими и Вале дал потом кое-какие советы. И, конечно, стал убеждать не сдаваться так быстро. «Пойми, Валя,—говорю,—все пройдет, мозоли, язвы,—память останется. Память, которая очень нужна тебе самой, и очень важна твоим будущим детям». Валя не уехала. Сейчас она ходит в передовиках.

— Валерий, скажи, пожалуйста, как ты рассматриваешь такое отношение: командир—комиссар?

— Главное—единство действий и мнений. Разногласия не лучшим образом действуют на отряд. Если бойцы по каким-либо мотивам не желают выполнять приказ командира, задача комиссара, уже с помощью своего арсенала, средств, добиться выполнения приказа. Даже если командир и не совсем прав, всегда есть элемент истины в распоряжениях командира. Конечно, позже, один на один, комиссар обязан доказать командиру его неправоту. Наверное, комиссар должен предвидеть ошибки командира и уметь противостоять в таких случаях. Это не всегда получается, не всегда легко. Но иначе не стоит быть комиссаром.



Об этом отряде, прямо скажем, писать нелегко: он не входит в число лидеров, в его летописи нет никаких приключений, от которых у читателя захватит бы дух. Просто отряд этот в первый раз взялся за мастерок штукатурка и молоток плотника, в первый раз ведет он отделочные работы. Место его работы—детский сад. А живет он в 26 школе. Это—городской строительный отряд университета «Эра-74». Командир его—Овчаренко Юлия, комиссар—Таня Кременцева. В отряде 50 девочек и 18 мальчишек. Все они с разных факультетов.

— Мы сначала записались в «Скифы»,—говорят бойцы Лариса Васыкова и Эрика Гейденрейх, но в комитете комсомола сказали, что сначала надо поработать в городе, а потом...

— Почему вы поехали в строительный отряд?

— Хотелось попробовать пожить этой жизнью. Ведь, по-моему, студент, не побывавший в стройотряде,—не студент.

— Ну, что заработки? Когда мы шли сюда, мы знали, что много не заработаем.—говорят девочки из бригады О. Терлеевой, Л. Васыкова и Э. Гейденрейх,—просто захотелось узнать, что такое строитель-

ГЛАВНОЕ...

ные отряды, о них так много говорилось кругом.

«Эта жизнь...» Она начинается с устава, с железного, воинского устава, с обычного подъема рано утром, с линейки, где дается задание на день, с работы, которая и есть основная цель деятельности. ССО.

— Для нас самое главное—сдать к сроку штукатурные работы,—говорит командир отряда.—не то мы приостановим строительство.

Но, как часто бывает в строительстве, работа зависит не только от желания самих рабочих, она зависит и от тех материалов, которые не доставляются в срок. Отсюда и срывы в работе, и срывы в настроении. Как сказал один командир украинского отряда: «Только при загруженности работой создается отличное настроение у бойцов».

Я беседую с инструктором Т. В. Барановой.

— Замечательные девочки, всегда в движении,—говорит она.—Я даже не заметила, как они стали неплохими специалистами. Моя бригада (бригадир Т. Спиридович) первые пять дней работала без инструктора. Доходили до штучатурного дела сами. Конечно, кое-что потом пришлось переделывать, но сейчас я им доверяю затирать швы и штукатурить откосы. Работа сложная, идет она по четвертому разряду. Они мне часто говорили: «Таня, неважно, сколько мы сделаем, главное—как». Сейчас они первое место держат.

А главный инженер СМУ-20

С. П. Малыгин и зам. начальника управления М. И. Поджорытов прямо заявляют:

— Если они еще год поработают, то, пожалуй, станут лучше наших специалистов.—и тут же добавляет,—только, наверное, им договор не выполнить (по договору им необходимо отстроить 47 тыс. руб.). Но все же к 25 августа они закончат штукатурные работы. А это главное!

Но только ли в этом главное? Может быть, еще в том, что девчонки с двух квадратных метров в смену подымают до восьми—десяти квадратов? Или в том, что они уже позволяют делать высокорядную работу? Или, быть может, еще в том, что бригада Т. Спиридович стала победителем в социальном соревновании бригад? Или, быть может, в другом?

— Для нас самое главное—это жить вместе, жить в коллективе,—говорят командир и комиссар отряда.

Именно поэтому они упорно добивались, чтобы бойцы их отряда жили вместе.

Не все получается у командира и комиссара—они ведь первый год в отряде. Как, впрочем, и все бойцы «Эры». Потому-то иногда бывают ошибки, за которые порой ругают в штабе. Но бывают и свои победы, от которых становится легко и тепло на душе.

Т. ЛЬВОВА.

На снимках: бойцы «Эры» на штукатурных работах.
Фото Р. Шамахметова.



СОЗДАЮТ НАСТРОЕНИЕ

— Напишите, пожалуйста, об этих ребятах,—обратилась к нам бригадир проводников М. Я. Виноградова.—Они нравятся мне своей честностью, добротой, своим человеческим отношением к пассажирам.

Так оценила работу А. Балковой, В. Герасимова, Т. Сизухиной, И. Рамаза-

новой, Л. Гумировой, А. Кокшаровой, Л. Эрлих, А. Ботова их бригадир, опытная проводница, проработавшая более десяти лет на Свердловской железной дороге.

Университетский отряд проводников существует уже более пяти лет. И только в этом году отряд насчитывает 143 человека,

что намного превышает численность отрядов прошлых лет. Ребята, о которых говорилось выше, входят в одну из бригад проводников, обслуживающую поезд Тюмень—Москва, Тюмень—Тобольск, Тюмень—Свердловск. О работе своих коллег рассказывает комиссар отряда Саши Ботов, студент второго курса факультета романо-германской филологии:

— Никаких материальных ценностей мы не производим, область нашей

деятельности—сфера обслуживания. Поэтому основная наша задача—быстрое и культурное обслуживание пассажиров. Чтение лекций, продажа газет и журналов, музыкальные передачи,—все, чем можно заполнить досуг пассажиров, входит в наши обязанности.

Главная оценка нашей работы—это наличие или отсутствие жалоб. Так вот, за полтора месяца работы на наших девчатах не поступало ни одной жалобы.

(Продолжение. Начало на 1 стр.)

начинают смотреть на студента, как на хвосты рыб. У ребят возникает чувство неудовлетворенности. Тем более, у соседних украинских отрядов растут этажи новых домов, уходят все дальше новая дорога.

«Скифовцы» видят это и думают: а что останется после нас? Им очень надо, для самоутверждения, делать то, что они умеют: лекции, концерты, агитбригады. Как компенсация за яремные рубцы хвосты рыбам. А им не дают. Руководство комбината не догадывается

использовать вот эти способности ребят как стимул, причем, более действенный, в данном случае, нежели материальный стимулом: оставитесь на сентябрь—будет бесплатное питание, все равно, что пытаться на двух ложках исполнить пятую симфонию Бетховена.

Вот об этом говорил секретарю парткома комбината оставившая после собрания член завального штаба В. Иванько в командир отряда «Скифы» В. Атяшев.

А еще позже в городском автобусе ехала группа «скифовцев». Кто-то из пассажиров спросил:

— Когда вы уезжаете? Ребята спокойно ответили:

— 20 сентября.

Созвонившись необходимо оказалось сильнее, выше личных выгод, пла-

нов и обиды на руководство комбината.

2. МОНОЛОГ ГРИГОРИЯ ДВИНЯНИНОВА

ОГРИШЕ Двинянинов в отряде говорил много. Его звали все. И уважали. Когда мы познакомились, я спросила:

— Трудно здесь?

— Нет, там труднее.

Там—это в универсаль-

тете.

Вопрос—ответ, вопрос—ответ. И выпростывался облик человека со своей индивидуальной судьбой, со своим пониманием смысла жизни.

По какой-то вневпятиной прихоти жизнь с детства бросала Григория в ситуации, которые заставляли предугадывать. И в 23 года он обдумывал в трезво стал студентом университета, чтобы «учить детей, как надо

„ЕСТЬ ЧТО-ТО

жеть»,—по его собственному заявлению... Сейчас он студент II курса факультета романо-германской филологии. Ему пока, конечно, трудно. Годы между школой и университетом больше учили работать, на книги пемпого оставалось времени. Он успел побывать в военном, в токарем, в слесарем. Поэтому третий семестр оказался значительно легче.

— Да, здесь мне легче. И все-таки особой радости нет. Не приносит эта работа морального удовлетворения, которое одно может остаться в памяти. Ведь все наши заработки потом забудуся. Да я и ненавижу деньги.

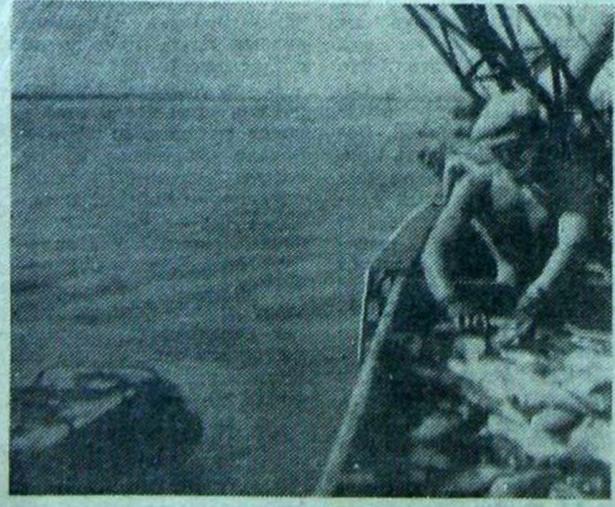
Нет, я не жалею, что поехал в отряд. Кое-чему научился. Сделал выводы для себя. Пережил разочарование, когда уви-

дел, что не все ребята работают на совесть. И обиделся на себя тем, что среди студентов гораздо больше честных, стоящих людей, нежели там, где пришлось работать раньше.

После недолгого молчания Григорий продолжает говорить, кажется, уже совсем о другом:

— Мне зимой предлагали вступить в партию. А я не стал. Удивляетесь? Видите ли, мне коммунист представляется человеком особой закваски. Вот, например, есть у нас один студент—член партии. Ни в чем он не отличается, мы в голосах его никогда не слышали. Я не хочу быть таквим. И потом, во мне есть недостаток, с которыми нельзя вступать в

НА СНИМКЕ: Н. Семенов привязывает рыбу.



Подарили Тюмени

Меня встретил пустой палаточный городок И Чебурашка, смотревший своими наивно-мудрыми глазами со стен столовой. Где-то высоко на голубой мажте трепетал флаг. Он казался живым среди безмолвных плакатов и лозунгов, прикрепленных на бурых от солнца брезентовых палатках. А недалеко за березовой изгородью виднелись черные гряды земли, тинувшиеся на сотни метров по полю. Иду туда. Вижу первые признаки жизни—копают землю. Иду дальше. И вот передо мной огромная бетонированная площадка—полуготовый фундамент для жилого дома. Я на одном из строительных участков СМУ-5, где ведутся работы по закладке жилого микрорайона. Ведет их строительный отряд Криворожского ордена Трудового Красного Знамени горнорудного института.

— Когда мы приехали сюда, здесь было пусто—одно зеленое поле,—говорят ребята из бригады Виктора Панасенко.

Я осматриваюсь. Кругом огромные насыпи земли. Далеко, ближе к горизонту, ровной цепочкой растянулись ребята.

— Там наши дорожку строят. Уже триста метров протянули. Немного погодя я выяснила, что стройотрядовцы работают и на теплотрассе. Заизолировали уже около 30 тысяч метров труб и огромный резервуар. И это сделано всего сорока двумя ребятами!

— А как же иначе? Мы же горняки!—удивлением на мое удивление отвечает комиссар отряда Виктор Жулай.—Ведь мы работать приехали. Понимаете, работать. Да то, что мы сделали, разве это работа? Если бы нам во-время поставили материалы и машины, так мы бы втрое больше сделали. Когда мы ехали сюда, думали, что горы свернем, а приехали—пока только «холмы». Обидно: уезжать скоро, а до конца стройки не доведем—нет материалов.—страхнул пепел с папиросы,—но зато мы самое главное сделали: дали начало стройке. Сами первые колышек вбивали.

Многие из бойцов до института работали на шахтах, служили в армии, в общем, парни надежные. Перед тем как отправиться в Тюмень, они обратились к знаменитому своему земляку Алексею Стаханову с просьбой разрешить назвать отряд его именем (раньше он назывался «Тюмонец»). И сейчас над входом в палаточный городок висит красный плакат: «Студенческий строительный отряд имени А. Стаханова», а на одной из палаток лозунг: «Работать по-стахановски!».

— Мы хотели ехать на Север,—продолжает комиссар,—хотели ощутить значительность тюменскихстроек, хотели своими руками прокладывать нефтьпровод. Но в райкоме нам сказали: «Надо ехать в Тюмень—строить дома». И вот мы здесь.

Здесь—это на станции Войновка, где на огромном зеленом поле решили построить жилой массив,—будущую окраину Тюмени.

— Мы могли бы сами возвести каркас и продолжить строительство, но... не все от нас зависит. На следующий год приедем сюда, продолжат начатое.

Они действительно приедут сюда. Потому что здесь был забит первый колышек стройки и поставлена первая палатка. Может быть, с этого и начинается история? Их история, ребят из горнорудного.

Л. ТОМИНА.

Фото Ю. МАЛКИНА, А. ЧУКЕСА, Н. МАКАРЕНКО, А. ВЛАСОВА.



Первая «подушка» из бетона.



Александр Мороз отлично работает и интересно живет.



Изоляция теплотрассы.



И. Ковалик забивает первый колышек.



Новая Дорога.

Работа наша примечательна тем, что ездешь много, встречаешься с людьми, знакомишься с ними, узнаешь их. Все это пригодится в будущем, особенно нам, будущим педагогам.

— Саша, а как твоя коммиссарская работа?

— Я первый год комиссаром, и из-за специфики отряда моя работа несколько отличается от работы других комиссаров, хотя, в принципе, главное в работе остается прежним—дисциплина

в отряде и рабочий дух. Конечно, есть некоторые трудности. Например, из-за того, что мы в разных бригадах и на разных дорогах, нам не приходится быть вместе, и поэтому собрания проводить не-возможно.

Пытались сделать молодежную бригаду, состоящую из одних бойцов, но из этого ничего не получилось: бригадир решил набрать старых кадровых проводников, и нам пришлось «гулять» по бригадам. Думаю, что на сле-



дующий год мы все же создадим такую бригаду.

— Саша, мне как-то рассказали о нестроительных студенческих отрядах, которые создали московские студенты. Они не поехали на стройки, остались в городе, и пошли на самые трудные участки сферы обслуживания—в магазины. Представляешь, торговать газированной водой и фруктами! О них писала «Комсомольская правда». Только вот такие отряды не все же признаются. А

как ты думаешь, нужны такие отряды?

— Бесспорно. Это не главное—признание—непризнание. Главное то, что ребята дали изыскать желание работать на таких участках. И главное то, что они дают ощутимый вклад в производственную деятельность: своим добрым отношением к людям они создают доброе настроение у них.

А. ЯСНЕВА.
НА СНИМКЕ: студенты ТГУ перед новыми рейсами.

ПРЕКРАСНОЕ В ЛЕТЕ...

парти. Равно. Надо сначала сделать из себя настоящего человека,—голос Григория звучит твердо, убежденно.

Нет, ковчег же, не лучи вно он говорил сейчас об этом. Видимо, здесь, в отряде, он вновь встал к тому прежнему, обдумывая свое решение, глядя на товарищей, авальзируя себя, вон постукивая, вменю здесь, в отряде, он окончательно утвердился в своем решении: сначала сделать себя настоящим человеком.

3. ВЕЧЕР

«СКИФЫ» принимали гостей в клубе рыболовов. Гости были бойцы украинского отряда «Верхо вива» в «Ласточка». Скифы волновались: как воспримут их

литературную композицию по стихам В. Маяковского? Они еще раз «проговяля» композицию. За пивнино свидетель Сергей Бородулин и вытравывал популярный затасканный вальсак. Одна из девочек не выдержала:

— Да ты понимаешь, что ты играешь? Этот вальсик и Маяковский—это же не соединимо!

Сергей откинулся па стуле, картинно отбросил в сторону руку с пафосом произнес:

— Музыка в поэзия всегда соединяемы!

— Да под твоей вальс только Асадова чытаты! Сергей обиделся, во стал вскачь другое сопро-вождение. Репет в цн я дальше пошла спокойно. И вдруг перед самым началом вечера в зал вошла заведующая клубом. За ней шли мальчишки. Все несли горшочки с

цветами. Деловито поставили цветы па стелу у самой рампы. Заведующая командовала:

— Мальчишки, ставьте цветочки вперемежку. Сначала большой, потом маленький, снова большой. Вот так.

На сцене раздались приглушенные вопли ужаса:

— Кто додумался! Маяковский в цветочки!

А вдоль рампы спокойно прогуливался Сергей Бородулин, в глаза его светились хитрым, озорным блеском. Но выяснять отношения было некогда: в зал входили гости.

И уже через несколько минут предконцертные страхи в волнении превратились в одухотворенность в взволнованность, заставлявшие зал сопереживать.

Отзвучали последние слова, растаяло вежвое

пiano Сергея Бородулина. Зал молчал. А потом долгие благодарные аплодисменты. Девочки восприняли духом: призапательность п «Ласточек», и студентов Львовского университета чего-то стоила.

Вечер продолжался. Ребята устроили конкурс молодых талантов.

Может быть, настоящая человеческая дружба и лучшее человеческие качества, которые проверяются делом и целью жизнью, зарождаются вот в такие мгновения?

4. «СИРОТЫ»

ОНИ сами себя так называли. И, чтоб это усвоил весь отряд, вырезала из «Литературки» заголовки материала а приклеивала на дверь комнаты, в которой поселились.

Видно, люди все делают с потребностию, даже шутят. «Сироты»—это филологи Оля Белослудцева, Аля Квашина и Сима Бурова. Они приехали в Ханты-Мавсийск много позже всего отряда—после диалектологической практики. Компату для себя они отстояли, а вот отрядной формы им уже не досталось. Взгрустнули и сказали: мы—сиротки. Так и закрепились за шимп.

По вечерам «сироты» отыскивали единственный па весь отряд чайник, запаривали чай покрепче, извлекали на свет варенье в сахар п почили чаем всех, кто заходил. Каждый вечер после отбоя забегали «на чай» девочки, комиссар отряда В. Михайлов—тоже. Как-то ов зашел к ним после отбоя, увидел чаепитие в самом разгаре, сурово спросил:

— Это что такое? Почему не спите после отбоя?

— Валерочка, хочешь сахару? А может варенья?—мило улыбась, спросила девочки.—Да ты не смущайся, садись, ешь, пей чай.

Ох, знавал оны, что комиссар очень уж любит сладкое. Валерий разулыбался и присел к столу. Разрешение па вечерний чай было получено.

Оля, Аля и Сима неожиданно для себя оказались в отряде.

— На диалектологической практике очень много накопилось сил, надо было куда-то деться,—улыбается Сима.

Сима постарше своих однокурсниц. Ее соприкосновение с внешним миром не огривичивается первыми эмоциями, а становится пищей для размышления. Оля и Аля так откровенно радуются и возмущаются тем, что происходит вокруг, что хочется певольно улыбнуться.

(Окончание на 4 стр.)

Рыбных дел мастера

Мы — это студенческий строительный отряд «Тоболяночка» Тобольского государственного пединститута имени Д. И. Менделеева. Нас тридцать девчонок, и в строительный отряд мы поехали впервые.

Давным-давно, где-то в феврале этого года, собирает комитет комсомола заседание по поводу строительных отрядов: «Так мол и так. По традиции посылаем мы нынче строительные отряды в Тюмень на рыбокомбинат. Работа нетрудная, но ответственная: рыбу коптить и солить для населения. А посему направим мы туда только лучших из лучших». И бросили клич по институту. Кто лучший? Оказалось, что мы — 11 и 14 (нынче уже 21 и 24) группы

литфака. Ну, мы, естественно, обрадовались, стали готовиться. Другие-то различные строительные тонкости проходят, а мы агитбригаду создаем, лекции готовим, в общем, заряжаемся культурой и идеологической энергией. Пока готовились, пока релетировали, тут и сессия подошла. Сдали мы ее все и — в Тюмень, с девизом: «Третий трудовой — на отлично».

Что говорить, поначалу было трудно, путали, где язь, где щука. Но студенты — народ смывленный, быстро стали соображать: где зубастей — там щука, а где покоей — там язь. Так намастерились разделять рыбу, что по 120—130 процентов в день выработывали. Мастера увидели нашу сноровку, стали задания посложней давать: рыбу готовить по спецзаказу. Вот однажды нужно было срочно занопить стерлядь. Поручили нам. Ну, мы и стараемся изо всех сил. Так спешили, что обронили шомпол с готовой рыбой, а стерлядь — рыба нежная, она возьми и разлетись на мелкие кусочки. Так на горьком опыте проверили поговорку: «Поспешишь — людей насмешишь». Только нам-то не до смеха было. Стояли мы над жалкими остатками спецзаказа и чуть не плакали. Ладно, начальство доброе было, простило нам это. Только потом не доверяли нам больше столь тонкого дела. Остались мы на своих щуках и язях.

Но не единым хлебом сыт человек, тем более, что нами, бойцами ССО, было запланировано столько различных

интересных мероприятий, что только дин считали до конца сезона — как бы успеть все выполнить. Мы знаем, что жить интересно — это значит жить весело. И с пользой. И мы старались жить именно так. Работали на колхозном поле, устраивали субботники в помощь городской школе (пусть не пугает вас эта форма отчета). Три дня мы трудились по-ударному и заработанные деньги перечислили в фонд мира.

Было у нас в отряде четыре праздника, веселых и торжественных. Самый веселый это, пожалуй, — посвящение в бойцы. Может быть, потому он и запомнился, что с того памятного глотка «морской» воды мы стали именоваться «Тоболяночкой».

Праздники праздниками, а будни наши напряженные. В семь подъем, зарядка, линейка, 4—5 минут политико-формации, завтрак — и бегом на свои рабочие места, к своим ножам и рыбкам. До обеда так нарабатываемся, что пять часов этих длинным днем покажусь. А как выйдешь из цеха — солнце светит, небо голубое, воздух свежий-свежий, да впереди еще обед, так всей усталости как не бывало. Оставшиеся два часа пролетают незаметно, глядишь — ты уже и в школе, у себя дома. Вечер — твой, отрядный. Готовим

к КВН или гостей принимаем из «Авиатора» (отряд из Украины), или сами идем в гости. Все строго по номисарскому плану.

Рита Миигалева — комиссар надежный, не даст пропасть вечеру. Потому что у нас так весело и интересно. Конечно, трудновато ей приходится, сама первый раз в отряде, наша ровесница, работает так же, как и мы, в цехе. Но мы ей помогаем и стараемся все ее задания выполнять. Вот, например, по ее инициативе готовим шнолу № 40, в которой живем, и учебному году.

А наш командир Лидя Мальцева — вожак опытный. Работала прежде в Тобольском городском штабе ССО. Нынче решила сама испытать командирские заботы. Их у нее предостаточно. Нужно и разместить, и покормить, и одеть, и развлечь, а главное, следить, как мы выполняем правила техники безопасности. Мы смеемся: «Механиков-то страшных (для нас) здесь нет, один лишь ножи да зубы щуки, — они, пожалуй, и не спасешься».

А на днях нам сообщили, что за эту интересную и полезную жизнь мы получили вымпел городского штаба.

Бойцы «Тоболяночки».
НА СНИМКЕ: комиссар М. Мингалева.



Дороги лета, поистине, это дороги, которые мы выбираем сами. Они открывают нам новый мир вокруг и в нас самих. Они уводят в строительные отряды, на практику, в экспедиции. Второкурсница факультета романогерманской филологии Лена Худякова работала летом в глухой тайге, в геологической партии Гипротомнефтегаза. Она вернулась из экспедиции с новым циклом стихов и с записными книжками, полными интересных набросков. Мы предлагаем нашим читателям рассказ Е. Худяковой, написанный в экспедиции.



СЫРОЙ вечер. Наверное, часов восемь, но в тайге темнеет раньше. Ни сплыв горизонтов, как в песне, ни ощущения широты мира. Сырое небо сверху да сумрачные головы кедров.

На болоте светлее, и когда кончатся грива, мы еще увидим зеленые пятна ягеля в ложбинах, кокетливые кустики поспевающей морошки, кое-где темные пятна «оков» — топкие места.

Чавкает вода в сапогах, под тяжестью урчит болото.

Все. На новой приве — привал.

Теперь сбросить рюкзаки и найти где-нибудь под корягой воду. Потом я чищу картошку, а ребята рубят лапник, ставят палатку. С шумом выплывает из темноты громадная вязанка деревьев, осыпается у костра и Миша с широченной своей улыбочкой басит:

— Ну, вот, парвал, как цветов, теперь до Угра хватят.

Это деревья с болота. Их не рубят, а просто раскачивают, ломают. Пепельно-серые стволы, удерживаясь среди залитого водой моха, остаются удивительно сухими и

нередко дают жар костра, настил в простой дорожный посох.

— Да ты знаешь, что такое береза, — кричал мне как-то в запальчивости Миша, — красивое дерево? Сорняк в тайге! Заговечать геологу среди березняка и в дождливую погоду — хуже нет. А как она заполоняет вырубку! Вот сосна, ель — это другое дело. Рабочие деревья.

Это так. На первом месте в тайге работа. Красота потом. Собаку, которая несколько раз не облает птицу, стреляют, людей, которые плохо рабо-

туют, просто не берут... Георгий сидит напротив меня у костра, задумчиво смотрит на огонь.

— О нас много пишут.. Мало настоящего. Может, потому, что толком не бывали в нашей шкуре. Знаешь, есть интересный закон на трассе. Не для людей, для души, что ли. Слышала, наверно, песню про Париж? Так вот, когда я иду по трассе, я про «париж» и не думаю. Я думаю, что надо пройти еще семь, еще десять километров. Когда трудно, иду от гравы до гравы,

от пикета до пикета, и я ничего не хочу больше, и не думаю ни о городе, ни о женщинах. А вечером я хочу четыре куска сахара. Именно четыре, а не больше, потому что сахар нормирован. А потом — снова вперед!

— Но разве так всегда, Георгий?

— Нет, потом мы приходим на базу, и я хочу увидеть город, а в городе я уже хочу большего и большего. Мне нравятся красивые женщины, хорошо одетые люди. Потом я хочу отдохнуть у моря, хочу послушать музыку в ресторане, сходить в театр...

— А потом?

— Я же говорю тебе: хочется все большего, потом я хочу в тайгу.

— Правду говорят, что тайга притягивает к себе, если ее узнаешь?

— Не знаю. Наверное. Да я и не люблю город, даже боюсь его.

— А что же тебе осо-

бенно в городе страшно?

— Честно?

— Честно.

Он наклоняется к серьезно, делая большие глаза, говорит:

— Очереди.

С рассветом мы уходим. Тайга сияет. Мы привыкли паутину видеть плоской, а здесь она бывает и в форме шара, и куполами, тяжелыми гроздьями дрожит на ветхих роса. Деревья умыты и торжественны.

Уже виднеется в пролетах следующее болото, оно еще в тумане: оно снова будет ворчать на нас, шипеть изпод коврика, вероятно, имея что-то против будущего газопровода. Ну что ж, это его право.

База будет не скоро, и мы долго еще будем идти, делая измерения торфа, отбирая пробы для лаборатории... От гравы до гравы, от пикета до пикета.

Е. ХУДЯКОВА.

„ЕСТЬ ЧТО-ТО ПРЕКРАСНОЕ В ЛЕТЕ...“

(Окончание. Начало на 1—3 стр.).

Презжают девушки с плащкоутов, рассказывают, а у Оли глаза разгораются:

— Ой, как интересно! Я тоже хочу поработать на плащкоуте. Я попрусь. Надо же все увидеть.

По особо торжественным дням Оля и Аля собирают куртки и брюки прошлогодней формы, — чтоб не очень отлачались от отряда. И на их лицах такое огорчение, что, кажется, большей трагедии в жизни уже и не бывает.

Они разные — «сырцы». Но их родит доброта, щедрое отношение к людям в бережное друг к другу.

Когда кончается смена, Оля выходит из рыбо-сырьевого цеха, греется на солнышке в поджидает Сима из коптилки. Бывает ждет полчаса, час, а потом уходят одна: опять Сима осталась работать после смены. Обиды нет.

В коптильном цехе, где

работает Сима, очень разнообразная работа. С утра до вечера навизывают на шомпола рыбу, навешивают в вагонетки и отвозят к печам. Устают глаза, руки, ноги. Ставятся скучно. Сима улавливает это:

— Знаете, девочка, поскольку большую часть жизни вам предстоит прожить в работе, надо уметь видеть в ней радость, иначе будет скучно. Надо ставить, наверное, в любом деле маленькие цели. Достигнешь первую — радость, потом вторую — снова радость.

Мы сидим с Симой на высоком крыльце пустующего дома. Вокруг тишина. Преддверие ночи. Мы говорим о том, что такое строительный отряд в жизни каждого бойца, о том, как сложно именно «рыбным» отрядам. Сима говорит раздумчиво, не спеша, и вдруг оживает:

— Вы знаете, мы сегодня буквально потрясла комбинатских рабочих. Семь вагонеток за сме-

ну — такое не каждый день удается опытным рабочим. Они от удивления даже перестали на нас ругаться за наши песни. Им все казалось, что если мы поем, так непременно плохо работаем. Удивительно, мы пережили сегодня удовольствие.

Незаметно наш разговор о человеческих характерах переходит на книги — прочитанные и не прочитанные. Сима сносит утолять интеллектуальный голод, она говорит и говорит, умно в

точно анализирует книгу, читает стихи. Хорошие стихи.

— Я очень люблю Беллу Ахмадуллину. Какая умная поэтесса. Какой у нее чистый, классический стих! Теперь мало кто так пишет. Нет, вы только послушайте.

И она читает, подчеркивая строгую ритмическую музыку стиха:

Пока клялась беспечные снега
блестать и сыть
с прележностью
металла,
пока луговой шала
не свяла
та девочка, которая
мечтала
склонять к плечу
оранжевый берет,

пустив на волю локти
в колени,
чтоб не ходить,
во совершать балет
хожденья по оттаявшей
аллее...

И вот уже увлекшись, забыв обо всем, на одном дыхании, как собственную мысль и собственное чувство, она роняет в ночь:

Ов сам не знал, чьи
свель, чьи труды
владеют им. Но говорят
преданья,
что ринувшись на
понскя бедь,
как выгоды ов
возжелал страданья.

Я слушаю стихи, я радуюсь им, в этой ночи, в знакомству со «скифопца-ми» в думаю: интересно,

это было случайно или осознанно, когда Рита Калашникова, комиссар отряда, читая в один из вечеров перед отрядом отрывок из есенинской «Анны Снежной», остановилась на этих строчках:

Есть что-то прекрасное
в лете,
А с летом прекрасное
в вас.

Е. НИКОЛАЕВА.

Фото В. МИКАЙЛОВА
и В. ЗАЙВАЗДИНА.

НА СНИМКАХ: А. Мельникова в коптильном цехе; ансамбль встфала «Молодо-зелено» — боец отряда «Скифы».

